

КРАТКАЯ ПОВЕСТЬ О СМЕРТИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО, ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКОГО

Да тщательно и верно смерть нашего монарха изъясним, о чем никогда довольно плакаться не можем; сего от нас величество мужа требует: ибо таковых людей, которых житие нам во удивление было, какова и смерть им приключилась, всячески природным любопытством ведать ищем и желаем. Понуждает к сему и то, что о сем несовершенные повести, от иностранных печатные, произошли: как оные много от сущей истины отстоят; понеже составлены из реляций куриозных, и совершенного известия о сем не имеющих людей начало свое имеют: то понуждают нас, дабы мы, как самовидцы-свидетели, которым все сие известно есть, истинную повесть написали, которую, свидетельствующей нам совести нашей, никаковым работствуя страstem, прямо, как делалось, предложим.

Болезнь, которую Петр Великий, бессмертно жить достойный, умучен преставился, была от водяного запора, с жестоким удручением и понуждением частым¹. Еще в конце прошлого 1723 года так недомогать начал; и желая досады оной избыть, к марциальным водам, на Олонец (куда и прежде сего случая приезжал), в надходящее время весеннее 1724 года восприть путь изволил. Но не было столько силы в лечебных водах, сколько требовала лютость болезни его. Мало бо нечто от оной немощи полегче, а не весьма освобожденна себя быть признавал монарх. И когда в Москве слышал (куда ради коронации супруги своей, государыни императрицы прибыл), что иные такового же действия воды в заводах железных, в расстоянии от Москвы в 90 верстах, сысканы; то ко оным поход имел в начале лета. И чрез несколько дней употребляв, так себя возмнил быть здоровым, что и вину немощи весьма искорененну быть подумал. Но не сходно оное мнение его было с здравия состоянием, и немощь не весьма отошла, но на время утаилася, как после самое дело показало.

Ибо как скоро после из Москвы в Петербург прибыл, болезнь оная, скорым в пути поспешением возбужденная, почала обновляться; хотя временно и утолялась, и будто нечто отраднее бывало. Так в скорби оной, иное время лучше, а иное худше с ним делалось; и в начатом 1725 году, генваря в 16 день, смертоносную силу возымела болезнь. И такая начала быть трудность в испражнении воды, которая часто напиралась, что за прелютейшую резь, терпеливый и великодушный в иных случаях муж от вопля не мог себя удержать, и сколь жестока болезнь оная была, сам он пред всеми тамо бывшими философским подтвердил словом: сам сказывал, что из меня де можно познать, коль бедное животное есть человек смертный. Не много все усумневались, что неисцельная есть и смертная язва; но сам первее, ощущая в себе беспрестанные и час от часу большие болезни, понеже был в анатомии искусен, ведая, что во внутренних своих делается, о своем житии стал быть безнадежен, и не утаил своего мнения; ибо скоро велел, по обычаю, в палатах своих церковь постановить, литургисания ради святыя евхаристии, и грехи своя Богу пред священником исповедав, тайныя вечера Спасителя нашего благоговейно причастился.

Между тем доктора (медики) сколько их на тот час обреталось в Санкт-Петербурге, кроме единого подагрою удержанного, на совет созванные, между собою рассуждали, есть ли какая в больном теле, також и в искусстве их надежда здравия; и хотя отчаяния знаков никаких не показывали, однако не тайно было, что совета и надежды всякой лишены стали. И известнее показывало немощного состояния, чего уже было надеяться, нежели их сумнительство, в котором вся сила так ослабела, что хотя болезнь час от часу больше и больше мучила; однако ж уже и вопить перестал: только во время испражнения воды тяжело громел, а кроме того непрестанно стонал.

И уже во всем дому не ино что, токмо печаль общую видеть было и слышать. От чина сенаторского, в начале немощи оной, по три или по четыре попеременно дневали и ночевали; а в ту пору вси до единого сошлись: такожде и от Синода архиереи и архимандриты, дабы умирающего наставлять и утверждать было кому, бодрствовали: тут же и фельдмаршалы и лейтенанты и майоры генералы, от гвардии штаб и обер-офицеры, и от Коллегий члены первейшие, и иные из дворянства знатные присутствовали; словом сказать, множество народа, кроме дворцовых служителей, палаты наполняло. И в таковом многолюдствии не было ни единого, кто вида печали на себе не имел бы: иные тихо слезили, иные с стенанием рыдали, иные молча и опустясь, аки бы в изумлении бродили, или посиживали. Разный позор был печали, по разности, чаю, натур, не аффектов; ибо не надеюсь,

чтобы и един такой сыскался, которого бы не уязвляла смерть настоящая толикого государя, героя и Отца Отечества.

Печаль же болезни самой государыни изобразить словом невозможно! Все виды страждущих и болезнующих в ней единой смешанные видеть было: ово слезы безмерные, ово некое смутное молчание, ово стенание и воздыхание; временем слова печальные проговаривала, но честные и приличные, иногда весьма изнемогала. Так бедно и разнообразно страждущи, день и ночь мужеви больному приседела и отходить не хотела, разве когда самого его приказом, дабы себя в конец не сокрушила, принужденная опочить отходила: чем, поистине, великую любовь свою монарх, при кончине жизни, дражайшей супруге своей свидетельствовал. А се и мудрость свою означил: когда дочери его девицы в комнату, где лежал он, войтить хотели; тотчас уступить велел, чаю, опасаясь, дабы и своей себе болезни не умножить, и их в большее изнеможение не ввестъ.

И сие надлежит сказать, каковое попечение, по обычаю христианскому, о душе умирающего было, и в каком чувстве благочестия монарх наш скончался. Как скоро известно стало, что тяжестною немощию государь болен; тотчас из Синода по всем церквам в городе, и по ближним около города местам, о исцелении его повелено публично молебствовать. Государь сам, желая подвигнуть к умилоствлению к себе Господа всех, во всем государстве, в слове и деле государством, в похищении казны, в долгах государственных и в прочем виноватых (выключив обиды персональные) из тюрем, из каторг выпустить и от казней свободить указал. О исповеди и причащении тела и крови Господни уже выше от нас воспоминаuto. В 23 день генваря, когда тяжелее пред прежним начал изнемогать, синодальные архиереи и архимандриты, и другие тогда случившиеся, обычное над болящим моление совершили и святым елеем помазали его.

В 27 день генваря, в исходе второго по полудни часа, государь весьма оскудевать и к кончине приближаться начал. Тотчас призваны два архиерея, Псковский и Тверской, и Чудова монастыря архимандрит, к увещанию и утверждению умирающего. И когда государь, жесточайшею и неудобьвероятною болезнию мучился, думали, что едва помановением на увещание может отвещать; но он сильное весьма и живое благочестия чувство в себе показал. Ибо когда един от увещателей о смерти Христовой, и что оною нам приобретено, воспоминаул, и сказывать начал, что пришло время, в кое подобает ему едино сие рассуждать к пользе своей, о чем он сам прежде прочим сказывал (ибо он о благодатном чрез Христа грешных оправдании довольно пред другими беседовал); тотчас, аки бы возбужден, силиться вставать начал, и мало от служителей приподнять, очи и руки горе, колико мог,

вознося, засхлым языком и помешанными речьми сия слова сказал: «То де едино есть, что жажду мою утоляет, едино то улаждает меня». Прежде бо того увещание засхлые уста, что часто делал, питием промачивал, и к тому творя приличие, сии слова сказал, которые и неоднократно повторил. И когда увещатель говорил ему: уповал бы он без всякого сумнительства на милосердие Божие, верил бы, что подается отпущение грехов и благодать жизни вечныя заслугами Христовыми; он на сие: верую и уповаю, несколькократно повторил, и когда еще увещатель к молитве веры возбуждал и сказывал сии слова, которые обыкновенно у нас приступающие ко святому причащению говорят: верую Господи и исповедую, яко ты еси воистину Христос сын Бога живого, пришедый в мир грешных спасти, от них же первый есмь аз; к сему он прибавил: верую Господи и исповедую, верую Господи, помози моему неверию! И сие все, что весьма дивно, со умилением, лице к веселию, елико мог, устроявая, говорил. Между тем ослабев и опустясь, на прочее, что ему во утверждение предлагаемо было, то помовая, то вознося руку, то к персям прикладывая, отвечивал.

И уже казалось, что кончится. Слыша сие сенаторы и генералитет, и иного чина народ в комнату входит и руку государеву с плачем и хлипанием целовать начали. Лежал он молча, и всех приходящих взглядом приветствуя; потом же сие не без труда проговорил после: свободится ли от стужения? (малую бо комнатку множество людей наполнило). Тем словом покоя ли требовал, или о времени смерти следующем говорил, про то неизвестно: и так все из комнаты вышли.

Толика же и тогда еще крепость в теле его была, что хотя и по вся минуты казалось, что кончится; однако до пятинадесяти часов боролся с смертию, и хотя ничего не говорил, только беспрестанно стонал и руку правую (понеже между тем левая параличем отнята, ничего не действовала) на сторону метал; однако когда увещатель приступал, что между временем делалось, и суету мира, вечное грядущее блаженство и цену, чем оное купуется, крови Сына Божия воспоминал; будто с силою собравшись, встать и рукою крестное знамение изобразить, или на небо показывать понуждал себя, и что весьма удивительно было, стенания свои в глас радостный претворять, и лицом веселым показывать себя, и увещателя обнимать силился. Между тем пришел Троицкий архимандрит и докладывал государю, не поволит ли повторительно Таин Святых причаститися, и буде поволит, поднял бы руку и показал; тотчас руку вознес, и повторительно Божественных евхаристии сподобился. И не переставали после сего увещатели поочередно его утешать и утверждать; и он такожде помановением соизволение свое показывать не престава.

В четвертый же час до полуночи на силу мог двигаться и весьма оледеневать почал. Тогда Тверской архиерей, повторяя во уши ему благочестивые увещания, на исход души умирающего обычные молитвы прочитал; а государь, когда стонать и дышать уже перестал, в сумнение всех там бывших привел, жив ли еще, или умер; и не так скоро могли уведать о кончине его, как он скоро скончался. И тотчас вопль, которые ни были, подняли; сама государыня от сердца глубоко вздохнула чуть жива, и когда б не поддержана была, упала бы: тогда же и все комнаты плачевный голос издали, и весь дом будто ревет казался, и ни кого не было, кто бы от плача мог удержаться. Что же и последствовало в нуждах отечества, и сие показать нашего звания есть. Вчера ввечеру Синод и Сенат приговорили, что ежели Божиим изволением толикого отца лишится случится, тотчас бы на едино место в палатах царских собратися и все, что ни надобе к безопаству и тишине народной, первее бы усмотреть и устроить, нежели народу о смерти государевой извещено будет. Так и сделалось: тотчас по оной печальной ведомости сенаторы все, и от Синода четыре персоны, сколько на тот час во дворце ночевало, а кроме тех и генералитет и неции из знатнейшего шляхетства в едину комнату в палатах собрались, и прежде всего о наследнице произошло слово. Многие говорили, что скипетр ни к кому иному не надлежит, кроме ея величеству государыне, как и самою вещью ея есть, по силе совершившейся недавно ея величества коронации. Неции же рассуждать почали, подает ли право такое коронация, когда и в прочих народах царицы коронуются, а для того наследницами не бывают? Но тогда некто воспомянул, с каким намерением государь супругу свою короновал, то есть, еще прежде похода Персидского открыл он мысль свою четырем из министров, двоим из Синода персонам, здесь присутствующим, и говорил, что тая нужда короновать ему супругу свою (которого обычая прежде в России не бывало), что аще бы каким случаем его не стало, праздный престол тако без наследника не остался бы, и всякая вина мятежей и смущений благовременнее пресечена быть могла бы. О таковом намерении покойного блаженныя памяти императора оный некто воспомянув, слался на свидетельство слышавших оное государево слово, и zde присутствующих: что един первее ясно подтвердил, тоже и прочие засвидетельствовали. И тако без всякого сумнительства явно показалось, что государыня императрица державу Российскую наследствовала, и что не елекция* делается, понеже прежде уже наследница толь чинно и славно поставлена: чего для, дабы и конгресс тот не елекциею, но декларациею назван был, согласно все приговорили². Тотчас

* От франц. *élection* — выбор.

и декларация, которую бы всенародно публиковать и по провинциям рассылать, написана и всего конгресса руками закреплена, в которой, известив о смерти государевой, от Сената и от Синода, также и от генералитета объявляется, что Екатерина императрица владеет, и что все ей величеству верность и всякое послушание чинить должны. И тако все к поздравлению ея величества, в комнату телу умершего государя близкую пришли: куда когда также и государыня изволила выйти; просили ея величество, дабы бремя государственного владения, которое Бог и супруг ей вручили, действительно принять изволила. Но государыня сокрушенная печалию, и неутомимо плачущая, не могла почти словесно ответствовать; только, не возбраняя руки целующим, соизволение свое показала. И так все сие дело великого и всещедрого Бога милостию в едином часе совершилось.

Скоро и день настал. Полки, сколько их ни было в Санкт-Петербурге, от своих командиров, по разным в городе местам, известие о смерти государевой с великим воплем и плачем получили; и того ж дня указом императрицы государыни заслуженное жалование им выдано.

Того ж дня генерал-майор Иван Дмитриев-Мамонов с декларациею в Москву послан, и на него кую с там пребывающим сенатором графом Матвеевым, возложено, дабы там все тихомирно за их присмотром было. И если бы где нечто мятежное слышали, благовременно бы смирjali и укрощали: но и так все смирно было. Когда же возбужденный печальным звоном народ, в первенствующую церковь бесчисленным множеством совокупился, и из чтомой декларации услышал о смерти государевой; таковые поднял вопли, что насилу оные утолити возможно было к слышанию всея декларации.

Вскоре потом написали форму, по которой бы все подданные присягали на верность и послушание ея величеству; напечатана же тот час, и во все государства провинции послана. И так не уедля везде всякого чина люди (кроме крестьян, которые между штатом не счисляются) по оной форме присягу чинили.

За благо судится нам и о погребении, чине и церемониях погребальных нечто сказать. В том же преждереченном конгрессе от всех прошен был генерал-фельдцейхмейстер сенатор и кавалер граф Яков Брюс, дабы принял на себя труд о устройении погребения императорского, и принадлежащего к тому, по обычаю прочих в Европе государств. И его превосходительство, получив себе в помощь господина генерала Бона, и выбрав угодных к тому делу управителей и прочих помощников, тако ж и все к тому нужное изготавив и мастеров разных художеств созвав, со всяким

тщанием ему врученное дело производил и исполнял. Каким же образом сделано все и устроено было, по ряду предлагаем.

В тот же самый день, в который государь преставился, церковь из большой залы в другую, меньшую, вынесена, и при первой стене в преждевеченной большой зале место, ради положения тела, уготовано таковым образом: сделан был, на несколько ступеней высоту, амвон довольно пространный, который укрыт был кармазинным бархатом и золотыми коврами; на том амвоне поставлен одр, золотою парчою постланный, под зело богатым балдахин. Прочие стены в той же зале преизрядными шпалерами, на которых некие чудеса Христова зело искусным мастерством истканы были, украшены; но на малое время токмо, понеже скоро потом черным сукном все убрано было. Поставлены были статуи, добродетели умершего монарха изображающие; такожде и пирамиды, на которых главнейшие дела его написаны были и государственные и провинциальные гербы, и множество светильников, и на павименте стоящих, и от свода висящих, и к стенам пристроенных, оную палату украшало.

На утрешний день, тело его императорского величества, предыдущим архиреем, архимандритом и прочим священного причта, последующей же государыни с фамилиею, и по их сенату и прочим высоких рангов особам, при великом собрании народа в большую залу внесено и на вышереченном одре положено. Но когда только сие народ увидел, таковой все подняли плач и вопль, что церковного пения слышати весьма-не можно было. Положенну тако сушу телу его величества, позволен и всему прочему обществу вход с последним к государю своему целованием: отворена была палата всем, даже до погребения и по все дни множество людей обоого пола, всякого чина и возраста стекалось, и свое усердие к общему отцу, плачуще и руку своего государя целующе, показывали.

Между тем готовлено, со всяким тщанием, все к погребению, по определению, надлежащее: убрана была в палатах образом вышереченным зала большая, в каменной же церкви Святых Апостолов Петра и Павла (которая в крепости строится) еще не совершенной, временная деревянная церковь, погребения ради тела его императорского величества, уготована. Медали такожде золотые и серебряные, разного весу на вечную память такового героя и государя делались, также день погребения назначен был марта 10.

Между тем, паче народного чаяния, жалостная ведомость всех слухи поразила, что в доме государевом к печали печаль новая прибыла. Малолетняя дочь их величеств, Наталия царевна умре: преизряднейшая была отроковица, и хотя шести еще лет, обаче высокого ума знаки показывала; ибо в беседах многие изречения

важные произносила, овогда же и советы некакие, в домашних вещах, родителям подавать показывалась, и неизреченною утешою их услаждала. Преставися марта 4 числа. Изрещи же невозможно, коль жестоко ея величество государыню императрицу непрестанно о смерти государевой болезнь, потом же и смерть Наталии уязвила; но и народ весь в зело великой печали был. И так в едином времени сугубая скорбь и сетование нам купно случились: разве что в общей о умершем монархе печали, смерть дщери его величества едва знатна была. Тело ея высочества государыни цесаревны, прежде погребения, в туюжде залу большую внесено, и вместе с телом родителя изнесено: яко же после скажем.

Приходило уже погребения время, и вся потребная приуготована, и того ради, в осьмой день марта, учрежденные из воинских чинов персоны всюду по городу проехав, имея при себе знамена, трубы и политавры, день погребения народу объявили. И тогда же указ опубликован, дабы в самый день погребения, и днем прежде того, ничего не продавать, кроме нужного к пропитанию. Торговые лавки, вольные дома и кабаки были бы заперты; и чтобы нигде не было никакого шума и ссор, но все честно и тихо было бы: жестоко заказано.

Когда пришел назначенный день погребения, пред полуднем пушечным выстрелом сигнал учинен: от чего народ, о имеющем начатися погребении, известился. Пополудни же другой и третий сигнал из пушки учинен. И первое выведены были многие полки солдат, и от самых дверей царских палат, по берегу реки Невы к почтовому дому, где главнейшая пристань, оттуда же чрез реку в крепость даже до церкви Святых Апостолов, по обеим дорогам чинно поставлены. Для церемониального же шествия вся между полками дорога речным песком и елом сеченым постлана была, а чрез Неву реку на льду устроен был мост с перилами, черным сукном укрытыми: весь песком же и елом посыпан. Толикое вскоре множество народа собралось, что не только по обеим сторонам путь широко заключили, но и везде крыльца и по всем палатам окна наполнили, и самые кровли не праздно были. Собравшиеся к той церемонии на классы разделены были и по домам, при пути стоящим, тако расставлены, что каждый класс, видя в ходу свое место, без труда изойти и предыдущим себя поставить мог бы. Сенаторы, синодальные с прочими епископы и архимандритами, генералы такожде и знатнейшие от шляхетства в самых палатах дожидались. А понеже гроб, в нем же монаршее лежало тело, от части широк был, ниже мог из палат обычными дверьми чинно изнесен быть, о том за время так устроено: среднее в зале окно, на реку зрящее, вместо дверей было употреблено: приделано к нему широкое

и пространное снаружи крыльцо, а по обеим его сторонам лестницы вниз поставлены, шириною крыльцу равные. Все же архитектурно сделано и черным сукном укрыто.

Около третьего часа пополудни ход погребальный начался следующим порядком: процессии начало показуя, ехал на лошади один из генералов, пред которым шло двадцать пять человек унтер-офицеров; а за ним шел один маршал, которому последовали множество трубачей и литаврщиков; за сими ехал фурьер, которому также последовал один маршал, а за ним шли паж и прочие придворные служители; по сих купцы иностранные, а по них депутаты, к сему погребению присланные из провинций. Каждый класс имел своего маршала. За сим ехал другой фурьер, а за ним шел маршал, за которым несено военное знамя. За знаменем два полковника вели лошадь любимую его императорского величества, на которой в походах своих ездывал: лошадь была убрана богато, с кустами плюмажными. По сем несены были знамена с гербами провинциальными (которые провинции прежде были собственные государства или княжения) таким порядком:

Первое несено знамя с его властной провинции гербом³, за знаменем лошадь вели, всю черным сукном до самой земли оболоченную, с теми гербами по обеим сторонам и на лбу. Таким же образом и прочих провинций гербы происходили, по чину чести и превосходительства оных. По сем иные три большие знамя несли: первое морское желтое, на котором двоеглавый орел написан был, штандарт ботика оногo, который прежде презренный, потом же от его величества по случаю увиденный, подал вину флоту Российскому. Второе знамя черное, с гербом государственным, золотом расписанным, за которым ведена лошадь, черным сукном покрытая, с государственными же гербами по обеим сторонам и на лбу. Третье знамя белое, на котором написана была эмблема императорская: резец, делающий статую. Зело изрядно было на сие смотрети, понеже больше тридцати провинций знаменами репрезентовано, кроме троих больших знамен: что долгую часть процессии заняло. По сим ведена еще лошадь его величества, так же, как и первая, богато убранная, только в отменном колоре. Потом два латника, один на лошади в латах позлащенных, другой в латах черных железных пеший; за ними несено знамя печали, большое черное, за которым лошадь вся в черном ведена, тоже значущая.

По сем явилась зело приятная смотрящим процессия. Маршал один шел, за которым следовало семь больших щитов; на трех из них вырезаны были троих царств завоеванных: Сибирского, Астраханского и Казанского — гербы; на прочих же четырех гербы городов, государственною резиденциею прославленных:

Новограда, Владимира, Киева и Москвы; а до них несен большой и зело украшенный щит, на котором был государственный герб большой, а около его меньшие провинциальные.

По сим предходящим, со святым крестом и хоругвами следовало множество священного чина: диаконы и пресвитеры многие, архимандритов до четыредесяти, епископов с архиепископами одиннадцать. Певчие, понеже множества ради не могли бы согласитися в пении, на три класса разделенные, по разным местам священному чину сопоследовали.

Также по сим два гроба следовали: первый меньший, Наталии цесаревны, другой большой, самого государя. Оба были укрыты золотою парчою, над которыми, по обычаю, богатые балдахины на серебряных литых штангах несены.

Меньшой гроб несколько человек офицеров несли; большой же везли осмь лошадей, черным бархатом оболоченные, но не в малом расстоянии один от другого был: понеже пред гробом императорским еще собственная слава происходила. Первее несены были вниз острием четыре государственных меча, потом следовали кавалерии: польская, датская и российская; за сим несены были оружием завладенных троих царств короны: Сибирская, Астраханская и Казанская, также регалии: то есть: скипетр и держава государственные сряду, потом корона Российской империи, зело пребогатая. И сия первая часть погребальной сей церемонии была изрядно убранная и светлая; другая же часть зело в своем начале высокочестная, да без внешней светлости.

За гробом императорским следовала плачущая государыня, ея императорское величество, в печальном платье, с закрытым лицом черною материею, весьма изнемогающая от печали и болезни. При ея величестве ассистенты были два из сенаторов первейшие. Высокая же ея величества фамилия подобным образом, в таком же платье, за ея величеством следовала таковым порядком: в первом месте по августейшей матери шла дочь ея величества, государыня цесаревна Анна; во втором другая дочь, государыня цесаревна Елисавет; в третьем его императорского величества племянница, государыня царевна Екатерина, герцогиня Мекленбургская; в четвертом другая ея величества племянница, государыня царевна Параскевия (сестра их высочеств царевна Анна, герцогиня Курляндская, в Санкт-Петербурге не была в то время); в пятом месте шла Мария, в шестом сестра ея Анна, Нарышкины девицы; в седьмом шел его королевское высочество Кароль герцог Голштинский, в то время жених государыни Анны цесаревны; в осьмом его высочество Петр, великий князь; по нем шли господа Александр и Иоанн Нарышкины, а великая княжна Наталия Алексеевна, за приключившеюся немощию, не присутствовала. По сих следовали сенаторские, княжеские, графские

и баронские жены, также и прочие шляхетства знатнейшего, и долгую процессию часть собою составили.

Следовало по сих множество из воинского и штатского чина знатнейших, и бывшие в то время из Малой России старшины и посадские; также и из купцов множество многое. Каждый же обоего пола класс своих маршалов имел; на конце толикое ж число, так как из начала, унтер-офицеров процессию заключали.

Когда таким образом процессия шла погребальная, происходил из крепости гром пушечный, не многий вдруг, но един по другому, чрез минуту, разливая некий печальный ужас; також и в поставленных полках музыка воинская печальные гласы издавала.

Когда пришли в церковь, гроб императорский на амвоне пространном, бархатом укрытом, под балдахин, а при нем и гроб дщери его величества поставили. По правой стороне в церкви место собственное для государыни императрицы и ее величества тогож полу фамилии сделано было, перилами укрепленное, с печальною утварью. По левой стороне другое место, ради его королевского высочества Кароля герцога Голштинского и его высочества Петра, великого князя, нечто меньшее и низшее; тесноты же ради множества народа, дабы чин и порядок церемонии не имел конфузии, не всем (без выбору) вход в церковь позволен, ниже самим тем, которые оной церемонии члены были; но токмо знатнейшим, и всякому по чину было определено место. И тако обычное по уставу погребальное последование начато. Между тем краткое имел слово Феофан,* архиепископ Псковский, отложив пространнейшее на иное время, частию краткого ради времени и неудобного, частию же опасаясь, дабы слез и печали словом не умножить, когда и так много вопля и стенания происходило. А когда церковная церемония деялася, тогда полки, которые по дороге (как выше означено) стояли, выведенные на стены крепостные, трижды все выпалили летучим огнем. По окончании же погребения, из всего паки мелкого оружия, также и из всех пушек в крепости и в Адмиралтействе вдруг страшный трижды гром великий издан. Но сия и прочая, к сей церемонии погребально принадлежащая, нарочно, тщательно и обстоятельно от прочих описана и опубликована суть.

И таковое-то от нас было великому герою, государю и отцу нашему последнее послужение, которого желали мы паче многолетно живущего и царствующего видеть с радостью, а не погребальными почестями украшать в общей печали и горести.

